ЦГ2
Р842
Рубакин. Н. А.
Как министр заботится о крестьянах.
1901 и 15808

ИМЭЛС—Библиотека
ЦГ2
Р842

Рубакин

Союз социалистов-революционеров

КАКЪ МИНИСТРЪ ЗАБОТИТСЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Циркуляръ М.В.Д.)

1901 г.

У 83

О преступленіяхъ противъ собственности частныхъ лицъ.

Глава I-ая.

Библиотека Института
72
3/2
И. 15808

Одна изъ статей нашего „Свода законовъ" гласитъ, что никто въ Россіи никогда не можетъ отговариваться незнаніемъ закона. Значитъ если кто нарушитъ какой-нибудь законъ по простому незнанію, это незнаніе не можетъ ему послужить въ оправданіе. Всякій, кто живетъ въ Россіи, обязанъ знать всѣ законы, которыми Россія управляется, а если онъ ихъ не знаетъ, - тѣмъ хуже для него.

Но можно-ли знать всѣ законы? Правда, всякій новый законъ, который вводится въ Россіи, публикуется - т. е. печатается для всеобщаго свѣдѣнія. Но кромѣ такихъ законовъ, о которыхъ оповѣщается вся земля, ежегодно отъ правительства выходитъ цѣлый рядъ распоряженій, имѣющихъ ту же силу, что и законъ. Одни изъ этихъ распоряженій печатаются, вывѣшиваются въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ, - другія сообщаются только тѣмъ властямъ, для которыхъ они предназначены. Бываютъ и такія распоряженія, которыя почему-нибудь держатся въ секретѣ - это распоряженія по какимъ-нибудь особенно важнымъ государственнымъ дѣламъ.

Въ нашихъ рукахъ сейчасъ находится секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ губернаторамъ. Этотъ циркуляръ близко касается всего русскаго народа и въ особенности нашего крестьянскаго, деревен-

скаго люда. Поэтому мы рѣшили, что будетъ полезно его отпечатать, разъяснить понятнымъ для всѣхъ языкомъ и распространить его по всѣмъ деревнямъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности.

Циркуляръ – это такая казенная бумага, которая содержитъ въ себѣ окружное посланіе министра къ его подначальнымъ чиновникамъ. Въ этой бумагѣ, въ этомъ посланіи министръ разъясняетъ своимъ подчиненнымъ, какъ они должны понимать законы и какъ ихъ исполнять, т. е. какъ поступать на основаніи этихъ законовъ съ не-чиновными людьми, съ простымъ народомъ. Тотъ циркуляръ, о которомъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь, къ тому-же не простой, а секретный, тайный, стало быть особенно важный; объ немъ можетъ знать только высшее начальство – губернаторы. Не только что простые люди, а даже исправники, земскіе начальники и становые не должны и понятія имѣть о томъ, что пишетъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ – это первый и ближайшій къ царю слуга; онъ по должности приходится самымъ довѣреннымъ и приближеннымъ къ царю человѣкомъ. Царь поручаетъ ему управленіе всѣми внутренними дѣлами государства: стало быть, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы внутри русскаго царства все было въ порядкѣ, чтобы народъ не голодалъ, не болѣлъ, чтобы сильный не обижалъ слабаго, словомъ, чтобы на Руси всѣмъ жилось благополучно, вольготно и счастливо. Велики обязанно-

ети министра Внутреннихъ Дѣлъ, зато велика и его власть. Ему подчинены всѣ губернаторы, исправники, земскіе начальники, становые, урядники — власть до послѣдняго полицейскаго.

Поэтому и любопытно всякому крестьянину знать, о чемъ это такой важный сановникъ-министръ можетъ писать губернаторамъ, да еще секретно, тайно, стало быть, вполнѣ откровенно, на чистоту, не боясь, что скажутъ объ этомъ всѣ не-чиновные люди, вся грамотная и читающая Русь.

Вѣдь отъ этого министерскаго циркуляра зависитъ многое: что сказано въ циркулярѣ, то будутъ исполнять всѣ губернаторы, а въ ихъ рукахъ — жизнь и судьба милліоновъ русскаго народа. Каждый губернаторъ — полный хозяинъ въ своей губерніи: въ ней онъ то же, что министръ Внутреннихъ Дѣлъ во всемъ государствѣ, тѣ же у него для своей губерніи права, тѣ же и обязанности.

Будемъ же внимательно читать и обдумывать, что сказано въ циркулярѣ.

Министерство
Внутреннихъ Дѣлъ.
Департаментъ
Полиціи.
17 Іюня 1898 года.
№ 4894.

Секретно. Циркулярно.

„Изъ поступающихъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ пре-

имущественно южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, за послѣднее время возникъ цѣлый рядъ крестьянскихъ безпорядковъ, проявляющихся въ видѣ систематическихъ*) потравъ помѣщичьихъ полей и луговъ, съ выгономъ скота подъ карауломъ вооруженныхъ палками, кольями и вилами, нападеній на помѣщичьихъ объѣздчиковъ и сторожей, значительныхъ порубокъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ и дракахъ съ полѣсовщиками. При захватѣ же объѣздчиками крестьянскаго скота, крестьяне, съ цѣлью его освобожденія, нерѣдко цѣлыми деревнями совершаютъ вооруженныя нападенія на усадьбы и экономіи землевладѣльцевъ и производятъ разгромъ хозяйственныхъ и даже жилыхъ построекъ, нанося побои и увѣчья служащимъ и караульщикамъ. Подобныя безчинства сопровождались въ нѣкоторыхъ случаяхъ вооруженнымъ сопротивленіемъ прибывающимъ для усмиренія безпорядковъ властямъ и нанесеніемъ побоевъ и ранъ чинамъ полиціи, а въ Воронежской губерніи, въ маѣ сего года, ночью былъ произведенъ выстрѣлъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ въ ѣхавшихъ по деревнѣ арендатора и станового пристава, принимавшаго участіе въ прекращеніи безпорядковъ, возникшихъ на почвѣ экономическихъ**) недоразу-

---

*) Систематическихъ потравъ и порубокъ это значитъ постоянныхъ, заранѣ обдуманныхъ на зло и во вреде помѣщикамъ.

**) Экономическихъ т.е. хозяйственныхъ, стало быть изъ за денеж-

берній, иногда изъ всей Россіи на свои особые „съѣзды“; на эти съѣзды часто являются сами министры и совѣтуются о томъ, что хочется отъ правительства русскому купечеству. Точно также и губернское начальство обычно ведетъ хлѣбъ-соль съ купечествомъ, съ помѣщиками, съ богачами и держитъ ихъ руку. А кто заступится за крестьянина? За него и словечка замолвить некому. Да и самимъ крестьянамъ посылать своихъ ходоковъ къ высшему правительству строго запрещено. Развѣ можно безпокоить такихъ важныхъ особъ, какъ наши министры изъ за какой-нибудь рваной мужицкой сермяги! Только передъ дворянскимъ околышемъ, военными эполетами да еще передъ толстымъ купеческимъ карманомъ и отворяются у насъ, въ Россіи, двери всѣхъ министерствъ, дворцовъ и палатъ!

Еще до сихъ поръ крестьяне часто думаютъ, что высшему правительству въ Петербургѣ неизвѣстна ихъ горькая мужицкая доля: тамъ-де вѣрятъ губернаторамъ да полиціи, и думаютъ, что русскій народъ живетъ себѣ припѣваючи, благодаря Господа на небѣ и царя съ правительствомъ на землѣ. Оказывается, однако, что это совсѣмъ не такъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, самый близкій, довѣренный государя, отлично знаетъ, что деревня годъ отъ году живетъ все безпокойнѣе и безпокойнѣе, что у крестьянъ съ сосѣдними помѣщиками, крупными арендаторами, богатѣями-міроѣдами и полиціей все чаще случа-

ются нелады, ссоры и свары, такъ что дѣло доходитъ даже до смертоубійства. Обязанность министра — прекратить эти безпорядки, водворить въ деревнѣ миръ, тишину и спокойствіе.

Съ чего же надо бы начать министру? Ясно бы, кажется, всякому мало-мальски разумному человѣку, что прежде всего ему слѣдовало бы точно и доподлинно разузнать, отчего это народъ бунтуется! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не ради же простого озорства крестьяне травятъ помѣщичьи луга или отправляются ночью съ топорами въ господскій лѣсъ. Они отлично знаютъ, что за такія дѣла ихъ не погладятъ по головкѣ. Часто по собственному горькому опыту имъ извѣстно, какъ строго наказываютъ наши суды за порубки и потравы. А за безпорядки, за сопротивленіе властямъ — и подавно: каждый годъ немало народу идетъ за это въ Сибирь, въ острогъ, въ арестантскія роты. Значитъ, туго приходится крестьянину, если, зная все это, онъ все-таки выходитъ иногда изъ повиновенія строгому закону и начальству! Или вотъ министръ пишетъ, что въ одномъ мѣстѣ стрѣляли въ арендатора и станового, въ другомъ избили до полусмерти землевладѣльца, который не ладно разсчитался съ крестьянами и такъ далѣе. Вѣдь загубить человѣческую душу не шутка. Кому бы пришло это въ голову, если бы легко было всякому крестьянину законнымъ путемъ найти себѣ управу на помѣщика! Значитъ ужъ очень накипѣло у крестьянъ на сердцѣ изъ-за всевозможныхъ несправедливостей, если

[illegible] помѣщиковъ, [illegible]
[illegible] Почему-же [illegible] крестьяне [illegible]
[illegible], [illegible]
[illegible] на [illegible] и издѣваются?
[illegible]
[illegible]
[illegible] послѣ [illegible]
[illegible] Онъ при осво-
божденіи отъ крѣпостного права всѣмъ крестьянамъ,
было ихъ [illegible] ревизскихъ душъ — досталось 111 милліо-
новъ десятинъ земли; это выходитъ [illegible] десятины [illegible]
[illegible] на ревизскую душу, стало быть, если считать по [illegible]
[illegible] то выйдетъ по крайней мѣрѣ [illegible]
[illegible] и того меньше; а вотъ помѣщикамъ-дворянамъ
по послѣднимъ [illegible] около десяти лѣтъ назадъ, принад-
лежало [illegible] милліоновъ десятинъ земли, и [illegible]
[illegible] всего [illegible] 114½ тысячъ [illegible]
т. е. на каждаго въ среднемъ приходится по 640 десятинъ
земли, примѣрно въ полтораста разъ больше, чѣмъ на ка-
ждаго крестьянина. Надо [illegible] что и [illegible]
[illegible] въ полтораста разъ [illegible]
[illegible] около 19½ тысячъ
человѣкъ, владѣютъ всѣ вмѣстѣ почти 63-мя милліонами
десятинъ земли, значитъ, въ среднемъ по 3225 деся-
тинъ на владѣльца.
Э[illegible] по какому праву? На какомъ основаніи они владѣ-
ютъ этой землей? Какъ они ее себѣ присвоили? [illegible]

они своими руками, своимъ трудомъ произвели ее на свѣтъ Божій. Нѣтъ, мы всѣ знаемъ, что земля — не дѣло рукъ человѣческихъ и никто изъ людей не можетъ сказать про нее, какъ про всякую другую вещь: „она моя; я ее сдѣлалъ!“ Земля — общее народное достояніе, она существуетъ на всеобщую потребу, такъ же, какъ вода, какъ солнечный свѣтъ, какъ вольный воздухъ. И безъ земли людямъ нельзя обойтися, какъ безъ воды, воздуха и свѣта. Кто же далъ владѣльцамъ право, не глядя на другихъ людей, захватить сотни и тысячи десятинъ земли и объявить: „она моя и ничья больше!“ По крайней мѣрѣ трудились-ли они надъ этой землей? Ходили за ней, холили ее, поливали своимъ трудовымъ потомъ? Наживали себѣ на этой работѣ мозоли на рукахъ и горбъ на спинѣ? Нѣтъ, ее и холилъ, и обряжалъ, и поливалъ ее трудовымъ потомъ все тотъ же мужикъ — сначала по обязанности крѣпостного человѣка, а потомъ — по горькой нуждѣ хоть вольнаго, да мало-земельнаго. А они, присвоившіе себѣ эту землю, жили себѣ спокойно вѣку за чужимъ горбомъ, не зная ни труда, ни заботы и считая, что они въ расчетѣ съ мужикомъ, если выбросили ему за его труды мѣдные гроши изъ тѣхъ богатствъ, которыя создавалъ для нихъ въ потѣ лица своего тотъ же самый мужикъ, тотъ же самый рабочій!

Земля — это законная собственность землевладѣльца, такъ они это утверждаютъ. Давно-ли перестали утверждать они, что и самъ мужикъ, такой же человѣкъ, какъ и они,

тоже может быть их законной „собственностью". Законъ — великое слово; да только надо еще разобрать, кѣмъ тотъ законъ писанъ и много-ли въ немъ правды.
Какими же путями они сдѣлались „законными собственниками" надъ землей?
Иные изъ прежнихъ царей, желая наградить кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ за усердную службу, дарили имъ села и деревни. Они забывали только, что если какой-нибудь изъ ихъ слугъ и заслужилъ награду, такъ тѣ крестьяне, которыхъ назначаютъ въ даръ, ни чѣмъ не заслужили наказанія. Они ни чѣмъ не провинились передъ царемъ, за что бы слѣдовало ихъ лишить свободы: честно трудились весь вѣкъ, платили подати, шли въ рекрутскіе наборы, служили царю вѣрой и правдой.
Какой-нибудь воевода или генералъ, который во время сраженія стоялъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ и отдавалъ приказанія, въ награду за побѣду получалъ богато-населенныя вотчины и помѣстья. А тѣ солдаты, которые шли въ огонь и гибли сотнями и тысячами, — они что получали? Пожалуй, тоже „помѣстья" въ три аршина мѣрой, гдѣ-нибудь на сельскомъ кладбищѣ; а ихъ вдовы и сироты однимъ почеркомъ царскаго пера за вѣрную службу отцовъ и мужей превращались въ крѣпостныхъ, — ихъ дарили, какъ какую-нибудь вещь, иной разъ счастливому воеводѣ или генералу.... Случалось, награждались придворные и за совсѣмъ особыя заслуги: одни за то, что во время умѣ

тѣснѣе и тѣснѣе на своей землѣ, все сильнѣй и сильнѣй нужда въ арендѣ. Понятно, что когда земля нужна до зарѣзу, такъ за цѣной крестьянинъ не стоитъ и надбавляетъ плату, сколько только можетъ....

При такой тѣснотѣ да при такой нуждѣ, особенно въ неурожайные и голодные годы, когда нечѣмъ платить за аренду — денегъ нѣтъ — поневолѣ мужики начинаютъ по ночамъ, потихоньку, загонять скотъ на помѣщичьи поля — не околѣвать же съ голоду скотинѣ, безъ которой нельзя обойтись въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Если бы министръ объ этомъ какъ слѣдуетъ поразмыслилъ, то онъ понялъ бы, что есть одно средство водворить по деревнямъ тишину и порядокъ: облегчить крестьянскіе подати, прибавить земли крестьянамъ, чтобы не для чего имъ стало травить господскіе луга и рубить господскіе лѣса, а потомъ отсиживать за это по тюрьмамъ и острогамъ. Если бы у министра лежало сердце къ народу и народному горю, онъ не сталъ бы слушать только то, что ему нашептываютъ дворяне и купцы, а созвалъ бы со всей русской земли и мужицкихъ ходоковъ уполномоченныхъ, потому что только они могутъ разсказать всю правду про горькую народную нужду, сказать, отчего и въ чемъ народъ терпитъ недостатокъ, чего онъ хочетъ, что ему нужно, какія нужны для его пользы и защиты законы и распоряженія.

Если бы министръ хотѣлъ дать народу вольнѣе, свободнѣе вздохнуть, онъ не сталъ бы ставить надъ кре-

стоянами разныхъ начальниковъ изъ помѣщиковъ, вродѣ земскихъ, которые никакъ не могутъ позабыть о хорошихъ для нихъ временахъ крѣпостного права. Онъ бы далъ право всему народу провѣрять, учитывать и въ случаѣ нужды смѣнять всѣхъ теперешнихъ начальниковъ, точно также, какъ сельскiй сходъ учитываетъ, смѣняетъ и выбираетъ своихъ старостъ.

Но не о томъ думаетъ министръ и не о томъ пишетъ губернаторамъ. Будемъ читать дальше его секретный циркуляръ.

Глава II

Вотъ что пишетъ министръ:

„Въ выше приведенныхъ случаяхъ буйства и своеволiя крестьянъ, мѣстныя власти были безсильны оказать какое-либо противодѣйствiе, и изъ боязни также по отношенiю къ нимъ со стороны крестьянъ насилiй, большею частью бездѣйствовали.

Подобное безчинство крестьянъ, отнимая у частныхъ лицъ увѣренность въ личной имущественной безопасности, свидѣтельствуетъ о недостаточной обезпеченности правильнаго и спокойнаго теченiя общественной жизни и не могутъ не быть отнесены, до извѣстной степени, къ винѣ мѣстныхъ административныхъ властей, на обязанности коихъ лежитъ своевременное устраненiе возникающихъ на этой почвѣ недоразумѣнiй и твердое охраненiе общественной безопасности и спокойствiя."

Тѣ [illegible] лады [illegible]
[illegible] видать [illegible]
[illegible] другихъ [illegible] вѣру, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] — "Въ [illegible] правда [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] предъ помѣщикамъ. По крайней мѣрѣ [illegible]
[illegible] подчиненнымъ, чтобы они
[illegible] Тѣлесныхъ наказаній [illegible]
[illegible] фанатизмъ и невѣжество [illegible]
[illegible] а наказаніе [illegible]
[illegible] модными словами: "Твердое правленіе [illegible]
[illegible] и спокойствія", "Энергичныя [illegible]
[illegible]
[illegible] правильнаго и спокойнаго [illegible]
[illegible] жизни". Я [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] человѣческаго [illegible]
[illegible]
[illegible] защиты [illegible]
[illegible] не станетъ.
Все это ясно, [illegible]
[illegible]
[illegible]

„Своеволствіе сего, признавая настоятельно необходимымъ положить предѣлъ столь нежелательному своеволію крестьянскаго населенія къ помѣщикамъ и ихъ имуществу, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, М. Г., принимать самыя рѣшительныя мѣры къ предотвращенію и подавленію всякаго проявленія какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны сельскаго населенія и всѣхъ виновныхъ въ самоуправствѣ и насиліи привлекать немедленно къ законной отвѣтственности“.

Какія же „самыя рѣшительныя мѣры“? Что новаго придумалъ министръ? Кажется, и безъ того мужика не мало „[illegible]вали“ и „забирали въ ежовыя рукавицы“; и безъ того онъ не мало испыталъ на своей спинѣ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ концѣ концовъ всѣ начальства и власти только для того и существуютъ, чтобы держать мужиковъ въ повиновеніи и стричь ихъ, какъ овецъ. А тутъ еще министръ грозится какими-то новыми, особенными „самыми рѣшительными мѣрами“!

Посмотримъ же, что это за мѣры.

„Въ этихъ видахъ слѣдуетъ вмѣнить по принадлежности земскимъ начальникамъ, непремѣннымъ членамъ крестьянскихъ присутствій, мировымъ посредникамъ и прочимъ, а также всѣмъ членамъ полиціи:

1) усилить наблюденіе на ярмаркахъ, базарахъ и вообще всякаго рода мѣстахъ скопленія крестьянскаго люда.“

Такова первая мѣра. Министръ, какъ видно, тонко понимаетъ дѣло и знаетъ, какъ именно нужно вести съ крестьянами. Очевидно, онъ слыхалъ, что изъ мужиковъ по одиночкѣ хоть веревки

И. 15808
Библиотека имени Ленина

[illegible]

продать міръ и мірской интересъ.

[illegible] Министръ совѣтуетъ губернаторамъ:

1) Внимательно слѣдить за взаимными отношеніями крестьянъ къ землевладѣльцамъ и арендаторамъ и своевременно принимать мѣры къ устраненію поводовъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по основ[illegible] [illegible] условій [illegible] недоразумѣнія [illegible]

дывая постоять за свои права, а [illegible] сами въ этомъ [illegible] [illegible] называемъ, чтобы [illegible] не время [illegible] [illegible], какъ [illegible] скотина!

Кромѣ того агитаторами называютъ также и всѣхъ народныхъ доброхотовъ и [illegible] образованныхъ людей, которые стараются расучить толпы и внушить имъ самимъ взяться за свои права. За ними тоже министры велитъ слѣдить построже.

Но замѣчательно, что для министра, не меньше чѣмъ агитаторы, кажутся подозрительными [illegible] всѣ сельскіе адвокаты, за [illegible] ими онъ велитъ учредить надзоръ! Оно и понятно: [illegible] [illegible] люди, которые [illegible] законами и [illegible] [illegible] разъяснить можетъ, что съ нимъ поступаютъ незаконно. Хоть это министру не нравится: куда лучше [illegible] съ крестьяниномъ, когда онъ ни въ какихъ законахъ не знаетъ и разсуждать о своихъ правахъ не привыкъ. [illegible] министръ [illegible] много знаю о законахъ [illegible] [illegible] въ голову всякую [illegible] [illegible] [illegible], а тогда съ ними [illegible] не [illegible]. [illegible] [illegible] посматривать за всѣми этими сельскими адвокатами [illegible] [illegible] въ деревняхъ [illegible], только напрасно народъ смущаютъ.

И вотъ что министръ пишетъ:

„Въ случаѣ обнаруженія подстрекательства со стороны такихъ людей къ безпорядкамъ или возбужденія ими смущенія въ крестьянской средѣ [illegible] толковъ и [illegible] [illegible], таковыя лица надлежитъ неукоснительно подвергать аресту въ порядкѣ [illegible] [illegible] и краткое изслѣдованіе

они или властямъ представляется нужнымъ для удаленія ихъ изъ данной мѣстности.

„Объявить мѣсто въ порядкѣ Положенія объ Охранѣ". Что это значитъ?

А значитъ это вотъ что. Нашимъ правительствомъ давно уже составлено и утверждено подписью государя особое положеніе "объ усиленной охранѣ военной и полицейской" для отдѣльныхъ мѣстностей. Такая охрана вводится, напримѣръ, въ главныхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ какой-нибудь покоренный иноземный народъ, если онъ не хочетъ подчиняться и выйти изъ-подъ власти русскаго царства. Какъ только объявлены мѣстности на положеніи охраны, губернаторамъ тотчасъ же дается особая власть хватать кого угодно и кого угодно засаживать въ тюрьмы, высылать изъ данной мѣстности, производить обыски и аресты, и все это безъ всякаго слѣдствія и законнаго суда, хотя бы безъ всякой явной вины, по одному подозрѣнію, по одному доносу любого ябедника.

Но только ли съ покоренными, чужими народами, прежними врагами Русской земли, распоряжаются на основаніи Положенія объ Охранѣ? Нѣтъ, далеко не такъ! Въ послѣднее время на томъ же „Положеніи" объявленъ цѣлый рядъ коренныхъ русскихъ городовъ, въ которыхъ есть много фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Почему же это? Дѣло въ томъ, что среди этихъ рабочихъ въ послѣднее время все чаще и чаще бываютъ стачки, забастовки, а иногда и прямые бунты противъ хозяевъ. Рабочіе, сговорившись заранѣе, разомъ всѣ бросаютъ свои инструменты, машины; фабрика останавливается. Забастов-

[illegible]

[illegible] ... слова [illegible]

[illegible] ... только [illegible]

[illegible] ... [illegible] слова

[illegible]

[illegible] ... стран[illegible]

[illegible] ... съ которым[illegible]

[illegible]

[illegible] ... Когда начал[illegible]

[illegible] ... ра, [illegible] „бе[illegible]

[illegible] ... представить только „[illegible]

[illegible] ... дѣятельност[illegible]

[illegible] ... министра [illegible]

[illegible] ... агитатора. [illegible] таки [illegible] и [illegible]

[illegible] ... [illegible]

[illegible] ... [illegible]

[illegible] „[illegible] ... раз[illegible], два, три [illegible]

Теперь не трудно сообразить, почему министръ [illegible]

[illegible] циркуляръ губернаторамъ [illegible]

[illegible] онъ не хотѣлъ, чтобы объ этомъ [illegible] знала [illegible]

[illegible] Рос[illegible]. Понятно, что если бы онъ [illegible]

[illegible] такъ не дали [illegible] и агитатор[illegible]

Но министръ самъ чувствуетъ, что [illegible]

характеръ [illegible] въ пользу помѣщиковъ [illegible]

[illegible] ими напугалъ темными [illegible] мудреными словами [illegible]

книжками, и все таки всякій, кто только прочитаетъ [illegible]

ляръ, пойметъ, что это новая выдумка противъ крестьянст-ва, новая штука для того, чтобы вернуть старыя времена, когда крестьянинъ считался „черная кость", а баринъ, чиновникъ, купецъ — „бѣлая кость", когда бѣлая кость могла творить съ черной костью все, что угодно. Понятно, что министръ попа-хивался, какъ бы народъ не раскусилъ про это раньше времени и не принялъ своихъ мѣръ... Да только къ счастью не все, то, что хочется министрамъ, имъ удается. Нашлись такіе тай-ные доброжелатели народа, которые потихоньку передали намъ этотъ циркуляръ, — и теперь, отпечатанный вмѣстѣ съ нашими разъясненіями, онъ будетъ гулять по всему лицу земли русской. Пусть всѣ знаютъ, какъ наши министры забо-тятся о крестьянахъ!

Однако, дочитаемъ терпѣливо циркуляръ до конца. Въ немъ за-[illegible] еще одна мѣра вразумленія крестьянъ и предупрежденія безпорядковъ.

4) „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ среди сельскаго населенія возник-ло замѣтное броженіе*), слѣдуетъ объявлять крестьянамъ, что насиліе и самоуправство не могутъ быть оправданы никакими уважительными причинами**), и что за совершен-ныя таковыя виновные будутъ неуклонно подвергаться строгой отвѣтственности, причемъ, если волненіе при-

*) Слово броженіе означаетъ волненіе, смуты.

**) Т. е.: хотя бы крестьянъ принуждали къ волненіямъ самыя злыя насилія и угнетенія, это для нихъ не послужитъ въ оп-равданіе: ихъ накажутъ все равно, какъ если бы они бун-товали изъ простого озорства.

нимаетъ угрожающiй ха[illegible]ръ, то Вашему Превосходительству надлежитъ посылать на мѣсто для вразумленiя крестьянъ довѣренныхъ лицъ: или вице-губернатора, а въ случаяхъ болѣе серьезныхъ выѣзжать самому и, буде представится въ томъ необходимость, вызывать немедленно и воинскую команду, для прекращенiя въ самомъ зачаткѣ волненiя, могущаго выразиться въ формѣ явнаго буйства и насилiя".

Раньше войска посылались въ деревню только въ томъ случаѣ, если крестьяне дѣйствительно бунтовали, т.е. вооружались и начинали бить властей или помѣщиковъ. Теперь губернатору дано больше свободы: стоитъ только ему подумать, что гдѣ-нибудь крестьянское недовольство можетъ кончиться безпорядками, и ему дадутъ военную команду для устрашенiя недовольныхъ. Мужикъ долженъ всегда и всѣмъ быть доволенъ, онъ не долженъ ничего самъ хотѣть, начальство за него все знаетъ и рѣшаетъ — чего ему нужно и чего не надо... Если же мужикъ будетъ роптать, волноваться, безпокоить начальство, то министръ предлагаетъ лѣчить его военнымъ постоемъ.

Ну, а если это не поможетъ? Читаемъ дальше:

„Въ случаѣ возникновенiя открытыхъ безпорядковъ, слѣдуетъ принимать мѣры къ быстрому и рѣшительному подавленiю ихъ..."

Коротко и ясно. На то и дается губернатору войско, — то самое войско, которое набирается изъ крестьянскихъ сыновъ и содержится на крестьянскiя деньги... И эти крестьянскiе сыновья будутъ [illegible] своихъ же

дать *) своего же брата-мужика... Быть можетъ даже стрѣлять въ нихъ, какъ въ чужеземныхъ враговъ. А все для чего? Только для того, чтобы они покорно гнули спину передъ помѣщиками, богачами и начальствомъ, чтобы этимъ спокойнѣе было ѣздить на многострадальной мужицкой спинѣ!

Самое главное сказано. Теперь министру остается прибавить немного, какъ поступать губернаторамъ послѣ усмиренія безпорядковъ:

„...При болѣе серьезныхъ нарушеніяхъ порядка обязательно командировать на мѣсто происшествія вице-губернатора или выѣзжать лично. При этомъ губернской администраціи надлежитъ подвергать зачинщиковъ безпорядковъ и участниковъ буйства, впредь до прибытія судебной власти, немедленному заарестованію, на основаніи Положенія объ Охранѣ, и требовать отъ полиціи самаго тщательнаго разслѣдованія обстоятельствъ, вызвавшихъ безпорядокъ и уличающихъ задержанныхъ лицъ, дабы представить судебной власти болѣе полный матеріалъ для быстраго производства предварительнаго слѣдствія и успѣшнаго разрѣшенія судебнаго преслѣдованія виновныхъ."

---

*) На самомъ дѣлѣ, конечно, почти никогда не бываетъ, чтобы дѣйствительно солдатъ-сынъ стрѣлялъ въ своего собственнаго мужика-отца. Начальство хорошо понимаетъ, что на своихъ у солдатъ не поднялась бы рука, и потому рекрута всегда отсылаютъ далеко отъ родимой стороны... Да развѣ это не то же самое, если здѣсь какой-нибудь москвичъ усмиряетъ воронежца, а тамъ воронежецъ — москвича? Въ концѣ концовъ — все то же: сами себя усмиряютъ!

Министръ, видимо, не особенно довѣряетъ судебнымъ властямъ: это — совсѣмъ другое вѣдомство, тамъ сидятъ часто законники, которые, пожалуй, постѣснятся такъ прижать крестьянъ при разслѣдованіи, какъ этого хотѣлось бы министру. То ли дѣло — полиція: у нея дѣло выйдетъ всегда гораздо крѣпче. Поэтому министръ и требуетъ, чтобы полиція не дожидалась пріѣзда слѣдователей и прокурора, а торопилась сама произвести всѣ розысканія и передать имъ дѣло уже готовымъ. Тогда — надѣется министръ — преслѣдованіе виновныхъ пойдетъ скорѣе и кончится успѣшнѣе.

Ну, а если судъ все таки накажетъ виновныхъ не достаточно строго? Если они вскорѣ опять вернутся въ деревню, да еще, пожалуй, опять начнутъ горой стоять за крестьянскія права? И вотъ на этотъ случай министръ приписываетъ:

„По отбытіи виновными наложеннаго на нихъ въ судебномъ порядкѣ наказанія, Вашему Превосходительству надлежитъ входить въ обсужденіе вопроса о необходимости, въ видахъ предупрежденія новыхъ безпорядковъ, временнаго удаленія такихъ лицъ изъ мѣстностей, гдѣ проявилось ихъ вредное вліяніе на окружающую среду, о чемъ и предоставить на мое усмотрѣніе."

Стало быть, губернаторъ сообща съ министромъ будутъ еще набавлять наказаніе осужденнымъ за крестьянскіе безпорядки сверхъ того, что полагалось имъ по закону и было назначено судомъ.

Ну, а если крестьяне съумѣютъ такъ воевать съ помѣщиками и вредить имъ, что ни съ какой стороны къ нимъ нельзя будетъ придраться. Если они съумѣютъ такъ ловко вести свою линію, или просто

такъ умѣло хоронить концы въ воду и не выдавать другъ друга, что ихъ нельзя будетъ наказать ни по какому закону, нельзя будетъ судить никакимъ судомъ? О, министръ заранѣе позаботился и объ этомъ:

„Въ случаяхъ, когда произведенные безпорядки по ихъ характеру не будутъ соотвѣтствовать признакамъ преступныхъ дѣяній, подлежащихъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ установленій, — Ваше Превосходительство будетъ поступать порядкомъ указаннымъ въ пунктѣ 3-мъ сего циркуляра".

А въ пунктѣ 3-мъ говорилось о томъ, что губернаторъ можетъ, не доводя дѣла до суда, распоряжаться на основаніи Положенія объ Охранѣ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ „Положеніе" это совсѣмъ и не вводилось. По просту говоря, министръ совѣтуетъ губернатору законами не стѣсняться: гдѣ нельзя скрутить мужиковъ по закону, тамъ бросай законъ подъ лавку, ворочай ими, какъ вздумается: законы де писаны не для крестьянъ, а для кого почище!

Итакъ, министръ все обдумалъ, обо всемъ позаботился, сплелъ цѣлую сѣть ухищреній противъ крестьянства. Оставалось только приструнить губернаторовъ, чтобы они хорошенько исполнили всѣ его совѣты и наставленія. Для этого подъ конецъ министръ грозитъ самимъ губернаторамъ, что они будутъ отвѣчать передъ нимъ за всѣ упущенія и что онъ съ „особенною строгостью" будетъ обходиться съ тѣми изъ нихъ, кто не съумѣетъ вести себя такъ, какъ желательно министру.

„Возлагая своевременное принятіе мѣръ по предупрежденію и прекращенію безпорядковъ на личную отвѣтств

нности господъ начальниковъ губерніи считаю необходимымъ присовокупить, что во всѣхъ случаяхъ проявленія безпорядковъ, насилій и буйствъ въ извѣстной мѣстности, министерство съ особенной строгостью будетъ относиться къ вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, на обязанности коихъ лежала ближайшая забота о предупрежденіи безпорядковъ".

Слѣдуютъ подписи министра внутреннихъ дѣлъ и директора департамента полиціи.

Глава III

Итакъ, мы теперь прочитали до конца весь циркуляръ министра и обдумали въ немъ каждое слово. Теперь мы видимъ, какъ наши министры заботятся о крестьянствѣ. Мы видимъ, что у насъ на Руси для крестьянъ есть два закона. Одинъ законъ — это тотъ, о которомъ намъ громко говорятъ во всѣхъ присутствіяхъ, который печатаютъ и разсылаютъ для всеобщаго свѣдѣнія. А другой законъ — потайной, который секретно разсылаютъ за подписью министра губернаторамъ въ обходъ и въ отмѣну явнаго закона.

Почему же министръ внутреннихъ дѣлъ, этотъ первый и самый довѣренный царскій слуга пускается на такія штуки? Отчего онъ дѣйствуетъ за одно съ богатыми и сильными противъ бѣдныхъ и слабыхъ? Развѣ для этого онъ поставленъ государемъ?

Частенько говорятъ намъ попы въ церквахъ, а иные другіе люди даже въ книжкахъ, что одинъ Богъ на небѣ, одинъ царь на Руси; что Богъ — это небесный царь, а царь — это земной Богъ; что царь помазанъ на царство самимъ Богомъ, и что всѣ

прочія власти тоже отъ „Бога". Это все хорошо; только какъ же это выходитъ, что народъ видитъ такъ мало хорошаго, а все только одно дурное отъ этихъ властей, которыя, будто бы, чуть не поголовно все божьи ставленники и приказчики? Помилуй, нѣтъ-ли здѣсь какого-нибудь обмана?

И прежде всего, правда-ли, что нами управляетъ по своей державной волѣ одинъ царь? Раскинемъ-ка своимъ человѣческимъ разумомъ, не справляясь съ тѣмъ, что намъ вычитываютъ по своимъ книжкамъ священники. Вѣдь это легко сказать — одинъ самодержавный и единодержавный царь. Вѣдь для того, чтобы одному человѣку управлять цѣлымъ царствомъ, ему надо знать это царство вдоль и поперекъ, надо видѣть все, что въ немъ творится: видѣть всякую неправду, всякую обиду и всякую слезу обиженнаго, слышать всякій вздохъ несчастнаго и голоднаго.

Сколько же для этого надо имѣть глазъ и ушей! Стоитъ только подумать, какъ велико русское царство, сколько въ немъ живетъ разныхъ народовъ — и всѣ говорятъ на разныхъ языкахъ, вѣрятъ въ разныхъ боговъ, живутъ каждый на свой ладъ. Мыслимое-ли дѣло съ такой махиной управиться одному человѣку? Да будь онъ хоть и 7-и пядей во лбу, у него вездѣ будутъ прорѣхи. Здѣсь дѣлу не поможетъ то, что ему въ церкви торжественно будутъ мазать церковнымъ масломъ лобъ и назовутъ „божьимъ помазанникомъ".

Въ концѣ концовъ, чтобы справиться съ дѣлами, онъ всетаки наставитъ вокругъ себя министровъ, выбравши ихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ вокругъ себя съ самаго дѣтства.

которые его воспитывали и которыхъ онъ привыкъ даже уважать, какъ людей старыхъ и опытныхъ. А тамъ уже дѣло пойдетъ, какъ подъ гору: за министрами станутъ ихъ помощники, секретари, директора и управляющіе департаментами, канцеляріями и присутствіями; вырастутъ, какъ грибы послѣ дождя, губернаторы и вице-губернаторы, полиціймейстеры и исправники, земскіе начальники и становые, съѣзды и палаты, — и подѣлятъ они между собой на клочки всю самодержавную власть.... Что же въ концѣ концовъ останется тому человѣку, который носитъ названіе „Государя Императора", садится въ важныхъ случаяхъ на пышный тронъ и надѣваетъ на голову золотую корону? Да только и остается, что пышный дворецъ, милліонное жалованье да подписи подъ самыми важными бумагами. Министры и прочія начальства — это и глаза, и уши, и руки царевы; безъ нихъ царь — то же, что человѣкъ безъ глазъ, безъ ушей и безъ рукъ. Какой же онъ послѣ этого можетъ быть „Самодержецъ"? Это только одно пустое слово, одна вывѣска, которой прикрывается многоголовая стая пышныхъ чиновниковъ*), у нихъ въ рукахъ вся власть, и они воображаютъ себѣ, что народъ существуетъ для нихъ, а не они для народа. Единодержавія у насъ на Руси и нѣтъ, да и быть не можетъ. У насъ не одинъ самодержецъ, а сотни и тысячи маленькихъ самодержцевъ, получившихъ помазаніе, да только не отъ Бога, а другъ отъ друга, низшій отъ высшаго. Это цѣлая сѣть, цѣлый неводъ: къ краямъ онъ расширяется, къ мотнѣ съуживается;

*) На языкѣ образованныхъ людей она обыкновенно называется „бюрократія".

куда тащится весь неводъ, туда за нимъ волочится и мотня. Какъ водится, часть добычи завязаетъ по краямъ, а больше всего, конечно, набивается въ мотнѣ. Такимъ-то вотъ огромнымъ чиновничьимъ неводомъ и захвачена со всѣхъ сторонъ вся крестьянская, рабочая, народная Русь.

Посмотрите вокругъ себя: развѣ это не такъ? Губернаторъ держитъ себя маленькимъ царькомъ въ губерніи, земскій начальникъ — въ участкѣ. Даже какой-нибудь урядникъ и тотъ корчитъ изъ себя начальство. Какъ поется въ одной пѣснѣ:

Всякій бутарь звалъ себя съ начальствомъ
Малымъ начальствомъ;
Знать и этихъ, праведный ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже!

А изъ кого же набираются эти многочисленные самодержцы? Ближе всего къ царю стоятъ все больше князья да графы — и все это богатѣйшіе помѣщики, каждый изъ нихъ владѣетъ не однимъ десяткомъ тысячъ десятинъ земли. Всѣ эти графы Воронцовы-Дашковы, князья Волконскіе, графы Бобринскіе, Трубецкіе, Строгановы, Нарышкины — они-то и занимаютъ самыя близкія къ царю мѣста, самые высшіе придворные чины, съ ними-то и дѣлитъ хлѣбъ-соль самъ царь. Да и какъ же иначе? Знаете-ли вы, кто на Руси самый богатый помѣщикъ? Его фамилію вы много разъ слыхали и сами произносили: это Романовъ, это никто иной, какъ самъ царь нашъ. Онъ лично со своимъ семействомъ владѣетъ и пользуется доходами съ 7.400.000 деся-

[illegible] и [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Такъ, въ прошломъ году [illegible] уѣзда Самарской губерніи крестьяне [illegible] изъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] лежалъ въ полѣ и [illegible] крестьяне [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Такъ, въ [illegible] прошлаго года [illegible] за [illegible] крестьянъ [illegible] которыхъ въ имѣніи [illegible] или великаго князя [illegible] Къ [illegible] несчастные были совершенно [illegible] и [illegible] [illegible] помощи, которая [illegible] ихъ изъ [illegible] „великокняжеской землѣ"...

Не даромъ же прадѣдъ нынѣшняго государя, императоръ Николай Павловичъ самъ себя называлъ „петербургскимъ помѣщикомъ". Не даромъ и сынъ его Александръ Николаевичъ въ свое время успокаивалъ помѣщиковъ, встревоженныхъ слухами объ отмѣнѣ крѣпостного права, и говорилъ, что онъ ихъ тоже при освобожденіи не обидитъ, потому что онъ самъ — первый дворянинъ русскаго царства.

А знаете ли вы, кто у насъ на Руси самый богатый, самый крупный [illegible] заводчикъ [illegible] [illegible] онъ же, нашъ государь императоръ Николай II. Въ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] народа. Долой [illegible] Долой [illegible] самодержавнаго правительства! Долой [illegible] надъ Россiею [illegible] народъ [illegible]

мною. Если бы народъ твердо понималъ, что кругомъ него творится, — тогда нынѣшніе порядки не продержались бы и двухъ дней. Тогда бы и солдатъ, надѣвши вмѣсто мужицкаго кафтана форменный мундиръ, понималъ бы, что хоть онъ и въ новой одеждѣ, да сердце-то у него все то же; тогда бы онъ еще подумалъ, прежде чѣмъ по командѣ стрѣлять въ своего брата крестьянина или фабричнаго. Значитъ, прежде всего мѣшаетъ народу завоевать свою волю его собственная темнота: она держитъ его въ плѣну, въ рабствѣ, она его не выпускаетъ на свободу, ее нужно одолѣть.

Если кто ужъ сейчасъ понялъ, что творится въ русскомъ царствѣ, какъ и почему, — такъ онъ долженъ открывать глаза и другимъ; конечно, это надо дѣлать съ толкомъ. Нельзя дѣйствовать въ открытую, нельзя кричать о правдѣ на всѣхъ перекресткахъ. Нужно поберечь и себя, не ради цѣлости собственной шкуры, а ради того же мірского дѣла. Понимающихъ людей въ народѣ еще слишкомъ мало, и потому каждый такой человѣкъ дорогъ. Нечего также попусту тратить слова съ нестоющими людьми, или пытаться усовѣстить людей съ прожженной совѣстью. Надо втихомолку подбирать себѣ надежныхъ товарищей изъ людей испытанныхъ, которые готовы послужить народному дѣлу, не жалѣючи себя. Надо столковаться съ ними, сговориться, за что стоять и какъ дѣйствовать. Чтобы дѣло было крѣпче, надо составить тайное общество или братство для защиты народныхъ правъ; дать другъ другу клятву или торжественное обѣщаніе во всемъ поступать по правила-

ному уговору, а не кто во что гораздъ, другъ друга не вы-
давали и мірскихъ дѣлъ не измѣняли, какъ бы круто не при-
ходилось. Такъ поступаютъ крестьяне сейчасъ и въ чужихъ
краяхъ, въ Венгріи, въ Румыніи, въ Италіи, въ Ирландіи, ве-
здѣ, гдѣ имъ живется худо; такъ поступаютъ и фабричные
рабочіе вездѣ, гдѣ имъ запрещаютъ открыто отстаивать свои
интересы противъ хозяина; такъ начинаютъ уже теперь въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ поступать и наши русскіе крестьяне.
Всякое такое братство должно быть въ строгой тайнѣ. Дѣла
ему будетъ много. Оно должно принимать участіе во всѣхъ
мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ, наблюдая за правдой и спра-
ведливостью, пріучая крестьянъ знать свои права, не прода-
вать ихъ за ведро водки, не уступать изъ страха передъ
сильнымъ человѣкомъ. Оно должно пріучать крестьянъ сто-
ять другъ за дружку крѣпко, какъ одинъ человѣкъ, противъ
всѣхъ мірскихъ недруговъ, деревенскихъ толстосумовъ, пан-
товатыхъ волостныхъ воротилъ, сосѣднихъ землевладѣльцевъ,
земскаго начальника и т. п. Оно должно не упускать ни одно-
го случая, чтобы разъяснить оставленнымъ крестьянамъ ка-
кую-нибудь неправду въ дѣйствіяхъ начальства, или даже
въ самыхъ нашихъ законахъ. Это нужно для того, чтобы кре-
стьянство на дѣлѣ могло видѣть, какая „хитрая механика"
въ пользу богатыхъ сословій и противъ рабочихъ людей
скрыта во всѣхъ нашихъ законахъ и во всемъ нашемъ устро-
йствѣ. Такимъ путемъ горькимъ опытомъ нужно довести
крестьянство до мысли, что одними хлопотами да проше-

мими у начальства нельзя найти правды, а приходится от-
стаивать ее своими средствами. Только не нужно преж-
де времени бунтовъ, сопротивленій властямъ и безпоряд-
ковъ; надо удерживать отъ нихъ деревню, покуда возмож-
но. Народныя силы надо беречь для будущаго. Пока нельзя
взять силой, надобна сноровка. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ прихо-
дится защищать мірской интересъ, можно узнавать людей —
кто годится для дѣла, кто нѣтъ; кто востеръ только на словахъ
и кто отъ сказаннаго слова не отступаетъ; кто трусливъ, и
кто смѣлъ. Тутъ-то и можно присматривать новыхъ людей,
которыхъ стоитъ присоединить къ братству. Если въ братст-
во сойдутся всѣ самые сильные, умные и рѣшительные кре-
стьяне, то имъ не трудно будетъ ворочать всѣмъ сходомъ
и направлять къ общей народной пользѣ всѣ мірскія дѣла.
А если такія братства заведутся во многихъ мѣстахъ, то имъ
можно будетъ скликнуться между собою и сообща обдѣлы-
вать такія дѣла, которыхъ нельзя сдѣлать въ одиночку или
малосильными компаніями. Притѣснителя-помѣщика или де-
ревенскаго толстосума-міроѣда можно будетъ тогда въ са-
мую горячую, страдную пору вдругъ, по уговору, оставить
совсѣмъ безъ рабочихъ. Однообщественника, который нарушитъ
уговоръ или пойдетъ противъ мірского интереса, словомъ,
будетъ измѣнникомъ міру въ пользу какого-нибудь изъ
его враговъ — можно будетъ проучить и строго, и безъ вся-
каго противозаконнаго самоуправства: пусть только всѣ
сторонятся отъ него, какъ отъ зачумленнаго, не помогать

ему ни въ какой бѣдѣ и ни въ какой нуждѣ, пусть даже никто не молвитъ съ нимъ ни единаго слова, такъ, какъ будто его и нѣтъ, какъ будто его никто и не видитъ и не слышитъ. Это средство испытанное и вѣрное. Если же какой-нибудь человѣкъ для общества особенно вреденъ, то можно выдумать ему наказаніе и почувствительнѣе. Нѣкоторые помѣщики и безъ того жалуются, что кто изъ нихъ съ крестьянами не въ ладу, тому житья нѣтъ: вѣчныя потравы, поджоги, порча инвентаря и всякій вредъ хозяйству. Если крестьяне нѣсколькихъ окрестныхъ селъ будутъ соединены (конечно, не поголовно, а только самые отборные) въ тайныя общества, то не трудно будетъ сообща, по-строже держать такого врага въ настоящей осадѣ. Если ему ни за какія деньги никто изъ окрестныхъ крестьянъ не будетъ помогать, и отовсюду онъ будетъ видѣть только поступки во вредъ себѣ — то навѣрное онъ долго не выживетъ, не вытерпитъ и сбѣжитъ. Главное — на такой ежедневной борьбѣ за мірской интересъ — пріучить крестьянъ дѣйствовать дружно, чтобы каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ за каждаго, не выдавая другъ друга ни въ какой крайности. Тогда трудно будетъ съ ними что-нибудь подѣлать и земскому начальнику, и становому, и помѣщику. Увидѣвши, какъ осторожно и въ то же время твердо крестьяне научились стоять за свое дѣло, и какъ ловко они умѣютъ хоронить концы въ воду, каждый изъ этихъ начальниковъ тоже будетъ остерегаться черезъ-чуръ прижимать и раздражать се-

ръ, у каждаго изъ нихъ только одна голова на плечахъ. И ночи бываютъ темныя и дороги глухія.... Довести до крайности крестьянъ не трудно, только кому то еще придет-ся заваренную кашу расхлебывать, уже и такъ крестьянство показало кое-гдѣ, что и его терпѣнію бываетъ конецъ. Недавно же всполошился министръ и началъ строчить строгія предписанія губернаторамъ. На первый разъ ему кажется, что это дѣло легко поправимое, стоитъ только во время одернуть и приструнить мужика. Но если на крестьянъ это не подѣйствуетъ, если они будутъ по прежнему, и даже еще сильнѣе, давать отпоръ своимъ притѣснителямъ, тогда и министръ запоетъ на другой ладъ. Когда упряжная скотина становится на дыбы и не слушаетъ больше ни узды, ни кнута, — тогда надо отойти, отпустить ей вольготно подождать, чтобы она поуспокоилась, — а потомъ опять потихоньку, полегоньку, поглаживая по шерсткѣ, ввести въ оглобли. Такъ и наше правительство поступаетъ съ крестьянствомъ, если видитъ, что ему становится не втерпежъ, — даетъ какое-нибудь послабленіе, льготу, отпускаетъ на долгое время вожжи; а тамъ, когда у народа сердце уляжется, можно и опять вожжи натянуть. Такъ и теперь: если оно увидитъ, что строгостью ничего не подѣлаешь, такъ навѣрное постарается что-нибудь замазать крестьянству ротъ. Скрѣпя сердце, оно дастъ ему какое-нибудь облегченіе, чтобы потомъ втихомолку опять начать плести свои новыя крѣпостныя цѣпи. Только не[illegible]

вѣстно еще, дастся-ли крестьянство въ обманъ — на этотъ разъ, потому что оно уже достаточно учено горькимъ опытомъ!

Самый лучшій примѣръ — освобожденіе крестьянъ. Сколько времени держалось крѣпостное право и могло бы еще продержаться лишній десятокъ лѣтъ, если бы крѣпостной народъ все только вздыхалъ да терпѣлъ. Но видно было, что у народа не стало мочи терпѣть, что дѣло можетъ дойти до всеобщей кровавой народной расправы. То тамъ, то здѣсь уже вспыхивали красные огоньки бунта. И это подѣйствовало. Недаромъ императоръ Александръ Николаевичъ, принимая недовольныхъ дворянъ, убѣждалъ ихъ знаменитыми словами: „надо заблаговременно освободить крестьянъ сверху, будетъ хуже, если они сами начнутъ освобождать себя снизу". Недаромъ также главный довѣренный царя по дѣлу освобожденія, Ростовцевъ, долженъ былъ повторять ненасытнымъ помѣщикамъ: „господа, я самъ дворянинъ, но вѣдь если мы еще уменьшимъ надѣлъ, то мы сами зажжемъ Россію со всѣхъ четырехъ концовъ!"

Такимъ-то родомъ, нехотя, поневолѣ состоялось освобожденіе крестьянъ. Чего же можно было ждать отъ такого освобожденія? И вотъ когда на Руси по этому поводу шло великое ликованіе, въ издававшейся на свободѣ, за-границей, русской газетѣ „Колоколъ" были написаны пророческія слова: „каково бы ни было освобожденіе — оно во

первый день пройдетъ [illegible]торгомъ... Не одинъ шкаликъ отличного вина выпито [illegible] вѣсти свободы... Но день пройдетъ — всѣ проснутся [illegible]тъ, что и вино поддѣльное, и свобода поддѣльная... [illegible]инъ думали, что они будутъ вольными, а на дѣлѣ [illegible]лось, что нѣтъ... Старое крѣпостное право замѣнено новымъ!" *)

Это писали русскіе люди [illegible]ерценъ и Огаревъ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ должны были бѣжать изъ Россіи въ чужіе края, чтобы избавиться отъ пр[illegible]слѣдованій русскаго правительства. Ихъ вина была — любовь къ простому народу и ненависть къ крѣпостному праву. Они требовали свободы крестьянъ не только отъ помѣщиковъ, но и отъ [illegible]ковъ; они требовали освобожденія отъ помѣщиковъ не только крестьянъ, но и всей ихъ земли. Безъ этого — говорили они — крестьяне не будутъ свободны, а только перемѣнятъ однѣ цѣпи на другія.

Теперь мы видимъ, какъ правдивы были ихъ слова. Мы видимъ, въ какіе тиски попали крестьяне. Мы понимаемъ, что настоящая свобода можетъ быть только завоевана самимъ крестьяниномъ, а не пожалована ему сверху. Дареная свобода — фальшивая свобода. И мы призываемъ крестьянство соединяться въ тайныя общества, чтобы начать борьбу за свое полное освобожденіе, за то, чтобы народъ сталъ единственнымъ полнымъ господи-

---

*) "Разборъ новаго крѣпостного права" — въ „Колоколѣ", №№ 68–69, 62, 101 за 1861 годъ.

[illegible] всей во [illegible] дворянъ.

Въ этой борьбѣ крестьянство не останется одинокимъ. Съ нимъ вмѣстѣ будутъ фабричные и заводскіе рабочіе въ городахъ. Они [illegible] давно зашевелились, давно начали соединяться въ [illegible] союзы, чтобы братски стоять другъ за друга и бороться съ [illegible]. Кр[illegible]намъ и рабочимъ нужно бороться за одно, потому [illegible] нихъ одни и тѣ же враги, одни и тѣ же цѣли. К[illegible] притянутъ также многіе изъ образованныхъ и че[illegible]ныхъ людей, которые не хотятъ торговать своей со[illegible], не хотятъ подлаживаться къ народнымъ угнетателямъ, а так[illegible] но Герценъ и Огаревъ стояли, стоятъ и будутъ стоять за [illegible]ло справедливости. Когда состоится такой союзъ, это будетъ знакъ, что скоро пробьетъ на Руси послѣдній часъ всевластію всѣхъ маленькихъ и большихъ самодержцевъ надъ угнетеннымъ народомъ!

Пока еще въ народѣ немного такихъ людей, которые понимаютъ, гдѣ и въ чемъ лежитъ корень, еще меньше такихъ, которые смѣло и стойко борятся съ этимъ зломъ. Но съ каждымъ днемъ они становятся все опаснѣе и опаснѣе для помѣщиковъ, фабрикантовъ, для ихъ нахлѣбниковъ и ставленниковъ — министровъ и прочихъ чиновниковъ. И министръ понимаетъ это, что видно изъ прочитаннаго нами циркуляра. Онъ чуетъ, что народъ просыпается, да и немудрено, когда кругомъ все будитъ его отъ духовнаго сна. Будитъ его нужда, и холодъ, и голодъ; будитъ его и становой, и исправникъ,

выколачивающій изъ него подать, и земскій начальникъ, раздающій плюхи крестьянамъ и мирволящій плутамъ-старшинамъ, помѣщикамъ и міроѣдамъ. Будятъ народъ и вздохи помѣщиковъ по крѣпостному праву; будятъ и розги, свистящія надъ крестьяниномъ за то, что онъ не хочетъ покорно подставлять свою спину новоявленнымъ господамъ; будитъ его и барабанный бой солдатъ, посылаемыхъ усмирять его для помѣщиковъ. Наконецъ, будитъ народъ противъ своей воли и самъ министръ, разсылающій такіе циркуляры, изъ которыхъ и малому ребенку ясно, что руку держатъ всѣ большіе и малые всероссійскіе самодержцы!

А съ другой стороны стараются разбудить народъ и люди совсѣмъ другого сорта — народные, крестьянскіе доброхоты изъ образованныхъ, ученыхъ людей, или, какъ говорятъ, изъ интеллигенціи. Они также открываютъ народу глаза на его притѣснителей. Такіе-то доброхоты и раздобыли секретный циркуляръ министра, чтобы объявить его для всеобщаго свѣдѣнія. Въ первый разъ этотъ циркуляръ былъ отпечатанъ въ Россіи, въ тайной типографіи (печатнѣ) „Союза соціалистовъ-революціонеровъ", то есть союза людей, стремящихся водворить на Руси такіе порядки, чтобы въ ней не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни начальниковъ, ни подчиненныхъ, а всѣ были бы равны, свободны и счастливы.

Понятно, что начальство ненавидитъ этихъ людей, рас-

пускаетъ про нихъ разныя клеветы и небылицы и всячески ихъ преслѣдуетъ: хватаетъ, сажаетъ въ тюрьмы и крѣпости, ссылаетъ въ Сибирь, на каторгу, вмѣстѣ съ ворами, грабителями и убійцами. Но все таки оно ничего не подѣлаетъ съ соціалистами, потому что за ними правда, и за эту правду на мѣсто погибшихъ и замученныхъ встаютъ новые бойцы. „Все минется, одна правда останется" — говоритъ русская пословица. Да, правду нельзя загубить. Рано или поздно, она возьметъ свое. Настанетъ пора, когда русскій рабочій народъ, городской и сельскій, смѣло и дружно, горой встанетъ за свое дѣло и свергнетъ съ себя иго сидящихъ на его шеѣ дармоѣдовъ. Работайте же надъ тѣмъ, чтобы скорѣе пришла эта свѣтлая, желанная пора!

Библиотека Института Ленина